

1191-п.

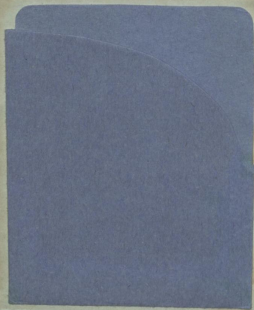
ПУШКИНУ

стихи

52904

ГОСЛИТЕЗАТ
1987

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
указанного здесь срока

Колич. предыд. выдач _____

Т. „Ком труд“ в. 190

13000
11/10
The ...
...
...
...
...

ПУШКИНУ

Коллектив
молодых поэтов
при Гослитиздате

Под редакцией
П. Антокольского

52904
1945

„Проверено 1938 г.“

ПРОЧТРЕНО
1938

Оренбургская
областная библиотека
абонемент № _____

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
• ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА •

1852

Константин Симонов

ПУТНИК

Мало высоких даров природы!
Этим могучим и ясным днем
Избыток сил всего народа
Соединился, должно быть, в нем.

Как жить в этом мире светло и тревожно!
Безбрежность воды, безбрежность земли;
И в плаще дорожном пакет с подорожной,
И стены лица остались вдали.

Как небо течет над землею безбрежно!
Как легок и волен полет облаков!
Идет он, торчат из карманов небрежно
Пока еще тонкие свертки стихов.

Мужик подвезет его в тряской телеге,
Фельдъегерь проводит его порой,
И снова скрипит на случайном ночлеге
Его жизнерадостное перо.

Он смотрит на небо — там нет отраженья
Виселцу, храмов и кабаков;
В сияющем небе только движенье
Высоких перистых облаков.

Он смотрит на небо — он даже не знает,
Он смотрит вперед — он не должен и знать.
Что волосы тихо седеть начинают,
Что можно о пройденном вспоминать.

И, кроме зеленых лесов колыханья
И шума текучей воды, на пути
Слышит он только свое дыханье —
Так одиноко ему идти.

Ухом прильнув и обняв дорогу,
По временам он слышит шаги.
Слышит спешащие на подмогу
Наши походные сапоги.

Александр Коваленков

СТИХИ О ПУШКИНЕ

I

„ПРОЛОГ“

Я б хотел, чтоб слышно было
Рокот грома, звук трубы,
Чтобы буря закрутила
Звезды, тучи и дубы.
Чтоб сверкнул кометы росчерк,
Чтобы землю потрясло...

Только будничней и проще
Это все произошло.

Распечатывая почки,
Месяц май играл листвою.
Облака поодиночке
Проплывали над Москвой.
Ни пальбой, ни барабаном
Не был мир оповещен,
Что в домишке деревянном
Новый житель был рожден.

«Если ты родился в мае —
Будешь маяться весь век».
Поговорку эту знает
Каждый русский человек.

Эта мысль у повитухи
Промелькнула, но она,
Чтобы не было прорухи,
Промолчать была должна.

Кто же тот, чья грудь не шире,
Чем у взрослого ладонь,
Тот, кому открылись в мире
Воздух, влага и огонь?
Он положен на подушки,
Несмышленьиш с мокрым лбом:
«Александр Сергееч Пушкин» —
Запись в метрике о нем.

Детство — милый беспорядок
Первых звуков, первых слов,
Ощущений и догадок,
Красок, запахов и снов.

В первый раз открыты двери
В терем солнца, в синеву:
Облака, деревья, звери
Возникают наяву.

Все меняет очертанья,
И нельзя поймать рукой
Плеск листвы, звезды журчанье,
Промельк птицы над рекой.

Но уже возникла где-то,
Детский разум озарив,
Завязь музыки и света
Первых ритмов, первых рифм.

Вот уж Делля вбежала
В мир, раскрашенный пестро...
Где оно, куда пропало
То гусиное перо,
Что размахисто и смело
Написало в некий час
Ту строку, что долетела
Первой ласточкой до нас?
.
.
.

А пока, забот не зная,
Ясноглазое, стремглав
Шло мальчишество, вникая
В шум дубрав и запах трав;
Новый век в Европе дряхлой
Слушал цоканье подков,
И на всей планете пахло
Дымом пушек и костров.

Разрастались слухи, толки,
И увидела Москва
Полководца в треуголке,
Разноцветные войска.

И хотя не якобинский,
Не бунтарский реял флаг
Над французом в бородинском
Вихре сваток и атак,
Вспоминали Пугачева
И не верили своим,
Брови змурившим сурово,
Молчаливым крепостным.

И когда в снегах российских
Поминал трехцветный флаг
И для шалашиков английских
Стал уже не страшен франк,
Вновь в Европе стало тихо,
Будто жизнь пошла назад,
Царедворца-Меттерниха
Иезуитский встретив взгляд.

Лишь побойц испаренья
Поднимались над землей...
Надо ж было в это время,
Чтоб в России крепостной,
В деревянной, в непроезжей,
Окрыленно и светло,
Словно дождь весенний, свежий,
Детство Пушкина прошло.

II

ПРОЩАНИЕ

Как было сладить с дерзкой славой,
С молвой, бегущей как прибой,
И с этой забалмошной, курчавой
И непокорной головой?

Опять строчили донесенья
На сочинителя стихов,
Который в греческой кофейне
Бранит вельможных дураков.

Смеясь над глупостью упрямой,
Оставив жалость про запас,

Он отвечает эпиграммой
И рифмы шлет не в бровь, а в глаза!

На рывке с мужиком дворовым
Толкует про житье-бытье
И дарит рыбакам суровым
Веселье детское свое.

Он входит в пестром архалуке
Средь бела дня в казенный дом,
Не помышляя о разлуке
С морским, полуденным теплом.
В кругу застольном гость желанный,
Он снисходителен и прост.
Шипит вино, звенят стаканы —
Сейчас за дружбу грянет тост,
За всех, кто скукою холодной
Веселья час не оскорбил,
Кто под звездою путеводной
Впустую не растратил сил;
За всех, кому мила свобода,
Земли и моря широта;
За всех, кто разум свой не продал
И жил на свете неспроста.

Так в свежем воздухе Одессы
Пылала молодость того,
Кто легкомыслию повесы
Не отдал сердца своего.

Да что! Еще совсем недавно
В Тавриде солнечной — в Крыму —
Любовь светло и своенравно
Пришла нечаянно к нему.

Неразделенную, скупую,
Невидную со стороны,
Ее, как девочку немую,
Баюкал он под шум волны.

Прощаясь с берегом Тамани,
Он ей элегий слагал,
Он с нею был, когда в тумане
Гурзуф листвою затрепетал.
Она бродила с ним живая,
В долине розою цвела,
К фонтану слез Бахчисарая
Глухой тропинкой привела.
Как позабыть звезду над кручей,
Ночного моря ровный гул,
Тот отзвук вольности певучей,
Тот дом, где август промелькнул;
Как позабыть тот день счастливый,
Стекланный блеск прибрежных скал,
Когда, прильнув к стволу оливы,
С Киприды глаз он не спускал;
Как позабыть прогулки, встречи,
Острот задорную игру
И светляков огни подвечер,
И запах яблок поутру!

Одесса спит. Хотя кристальный
Рассвет над гаванью повис,
И видно, как на мачте дальней
Играет с флагом легкий бриз.
Задержнув в окнах занавески,
Спит Пушкин. И к нему, во сне,
Пришел добряк-старик Раевский
Поговорить о старине.

И пожуришь его, как сына,
За дерзость своевольных строк,
За то, что имя дворянина
Он от хулы не уберег.
«Пора. Ты стал зрелей и старше,
Уходит юность со двора,
И от немилости монаршей
Тебе б избавиться пора.
Кого теплом и светом теща,
Душа беспечная горит?..»

— Вставайте, барин, вам депеша, —
Слуга над ухом говорит.

И вот, ругая незадачу,
Без шляпы, без перчаток — он
Шагает к Вяземской на дачу
И входит гневный на балкон.

— Что с вами, Александр Сергееч? —

— Беда. Подлейший Воронцов
Пронохал о моей затее.
Бежать от этих берегов.
В одном из писем я когда-то
Хвалил безбожные дела.
Про это знают. И расплата
Ко мне не во-время пришла.
Хитры чиновные канальи,
Им только надобен предлог;
Не злом, так дружбой доконали,
На губы вешая замок.
Тут не помогут каламбуры,
Стихи о подлости людской...
Куда теперь? На север хмурый!
Темно в губернии Псковской!

Нет. Видно, впрямь прощаться надо
Со всем, что было на виду.
Пусть будет тайною досада,
И скроет преданность вражду.

Уже с готовой подорожной
Стоит фельдъегерь у крыльца,
И подвязал ямщик дотошный
Три золоченых бубенца.

Уже подтянуты подпруты,
В отъезжей самовар сопрет,
С поклажей суетятся слуги,
А барина все нет и нет.

В последний раз извозчик нанят
И правит к хутору Рено.
А барину | глаза туманят
Места, знакомые давно.
В последний раз, забыв про горе,
Стоит поэт на берегу.
У ног его грохочет море,
Меняя краски на бегу.
А за спиной его — Россия,
Печаль проселочных дорог,
Слова знакомые, родные:
Харчевня, кнут, Сибирь, острог...
Там плачут, обвивая ноги
В смазных солдатских сапогах;
Там на помещицьем пороге
Ждут милость с шапками в руках;
Там губят молодость навеки
За скользкой стойкой кабака.

Кладут усопшему на веки
Два сбереженных пятака...

Родись в такой стране веселой
С талантом и живым умом —
Всю жизнь свою, как сон тяжелый,
Ты будешь вспоминать потом;
Ты будешь думать о победе,
Блуждая с табором цыган,
Трясаясь с фельдшером в телеге
Зовя на помощь океан.

И волны отвечают ревом
Его несбывшимся мечтам,
Зовут его ко встречам новым,
К иным, нездешним берегам.
Швыряют пену в небо гнетно,
Ничком ложатся на песок,
А им в ответ звучат напевно
Торжественные ямбы строк:

«Прощай, свободная стихия,
В последний раз передо мной
Ты катишь волны голубые
И блещешь гордою красой».

III

«МЕТЕЛЬ»

Замолчала давно дорога.
Колокольчики, ругань, лыль,
Постоялых дворов морока,
Украинских степей ковыль.

Не увидишь в окно усадьбы,
Как дрожит над лиманом зной.
Красноглазые волчи свадьбы
Здесь кочуют в полях зимой.
Но зима заблудилась где-то,
В дальней тундре снега крутя.
Здесь еще остывает лето,
Паутиной с кустов летя.

Погружен в тишину, как в омут,
Лес прохладен, прозрачен, чист...
Предрассветным морозцем тронут
Красный, синий, червоный лист.
Снегири тормозят рябину,
Гроздь ягод роняя в пруд;
Там карась прячет в тине спину,
Утки в черной воде плывут;
Юркнул жолудь сквозь листья дуба,
Зрелой осени горький плод;
Перепачкав брусничкой зубы,
Медвежонок его грызет.
Где же тот, с кем дружили в школе,
Тот, кто родной был для нас,
Тот, кто песню свою и волю
От казенной опеки спас?

Что он делает в ссылке новой,
Резвый Пушкин, арабский бес,
Шум Одессы и Кишинева
Привезя в монастырский лес?
Хвалят барина крепостные:
Дескать, ласков и нет того,
Чтобы бороды рвать седые
Аль изутом угостить кого.
Ну, чудит — няньку кличет мамой,

Водит с девками хоровод,
Не боится молвы и сраму,
Со слепцами песни поет.

А не то посередь дороги
Забормочет, как сам не свой.
Тут давай-унеси бог ноги:
Скалит зубы, вертит рукой...
Но простой — душа нараспашку.
Тут у нас его знает всяк.
Подпояшет шнурком рубашку
И по ярмарке ходит так.

Вот и пишет секретный агент:
«Пушкин смиренный, и слышал я,
Что его к вольнодумцам в лагерь
Опасаются звать друзья.
Он болтаив, и любая шайка
Не доверит ему дела
Там, где сговор, подлог, утайка,
Преступленья, глухая мгла.

Может, прав был игумен здешний,
Говоря, что поэт живет
Красной девицей, что от прежних
Неразумных ушел забот».

Только разве доносчик знает
Жизнь поэта? Не от него ль,
В печку рукописи бросая,
Прятал Пушкин и гнев и боль?

Дни идут, и делить их не с кем,
Но какая печаль поэт
В том посланья к друзьям лицейским,
Октябрем знаменуя год!
Память рвется к местам бывалым,
И в осенних стихах не раз
Море синим сверкнет кристаллом,
Зачадит вдалеке Кавказ...

Не удержишь в неволе душу,
Светлых замыслов волюный взлет...
Океан, небеса и сушу
Вдохновенье себе берет.
Далеко разнесется рокот
Слов, которым сравненья нет.
Это грозной строкой «Пророка»
Отвечает царю поэт.
Это с вихрями «Годунова»
Пламя лирики понеслось...

Вот лежат на скамье кленовой
Шляпа бархатная и трость.
Пахнет медом в Тригорском лето,
И ромашкой пестрят луга;
В чешуе золотого света
Ясной Сороти берега.

И опять:
Зимний вечер долог.
Жги камин, разгребай золу
Или слушай, как лапы елок
По замерзшему бьют стеклу.
— Что, мой сокол, тебя дурмаит?
Плохо спишь, ничего не ешь...

— Расскажи-ка мне сказку, няня,
Или песней меня потешь... —
Сказка входит на птичьих лапках,
Рыбым глазом глядит в окно.
Рыщут лешие в рысых шапках.
— Им, сердешным, в лесу темно...
Ищет клад мужичок ледящий,
Чтоб чертям заплачивать оброк,
И царевна ему из чащи
С жемчугами несёт горшок...

Словно школьник, смеется Пушкин,
Белой костью зубов блестя.
Пляшет ветер, толкая вьюшки,
По-ямщицки в трубе свистя.
Люди добрые спать ложатся,
Прилипают к ресницам сон...

40625
Дико развалины в поле мчатся,
Колокольчика слышен звон.
Гонит лошадь слуга тригорский,
Хлещет сивую ночь кнутом.
Перелески. Ухабы. Версты.
Наконец-то ворота. Дом.
Двери настезь, и пар клубами.
— Дайте водки ему. — И вот,
О стакан колотя зубами,
Речь такую слуга ведет:
— Бунт в столице. Закрыты лавки,
По дешевке пошел овес.
Где уж там торговаться в давке,
Еле ноги свои унес! —

В эту ночь не до сказок няни,
Запрягают гнедого в сани.

— Ну, родной, выручай, пошел! —
С головой завернувшись в бурку,
К запылавшему Петербургу
Сквозь метель, мимо темных сел
Скачет Пушкин к друзьям из ссылки,
Только пены летят обмылки
С конских губ в злоую верть и круть,
Только сердце сосет примета:
Дважды заяц (к добру ли это?)
Пересек, перерезал путь.
— Погоняй! — Но завяз по брюхо
Конь в сугробе, и ловит ухо
Отголоски глухой пальбы.
Пролетает орел двуглавый,
И стоят впереди заставой
Царской виселицы столбы.

Чьи там светятся позументы,
Говор, игрище, топот, блеск,
Ордена, эполеты, ленты?..
— Или это метели плеск?

Вьются бесы, и мчатся тучи.
Домовые визжа летят,
И крестясь, бородастый кучер
Поворачивает назад.

П. Железнов

НА ЮГЕ

1

О море, воспетое столько раз...
Пусть, в этом хвалебном хоре,
Мой голос потонет, как легкий баркас
В разбушевавшемся море!

О море, ты первым людским племенам
Казалось без края и меры,
Как нынче вселенная кажется нам,
Ступившим на грань стратосферы.

Чертят корабли тебя вдоль-поперек,
Эпроном прощупано дно,
Но разум к тебе уваженья сберет,
А сердце любовью полно.

Люблю, когда, словно разведчик, рассвет
Крадется по небу при звездах
И все начинается вокруг розоветь —
И море, и берег, и воздух.

А волны вступают со скалами в спор,
И пена взлетает, как снег,
Который лопатами через забор
Бросают у нас по весне...

Здесь Пушкин бродил у твоих берегов,
В изгнаныи утешен тобой.
Быть может, пред ним возникал Петергоф,
Когда он смотрел на прибой.

Быть может, пред ним проносился, как сон,
Фонтанов рокошующих ряд,
Где львиную пасть раздирает Сампсон
Средь бронзовых нимф и наяд.

Быть может, суровый поэт-славянин,
Что слезы не лил при обиде,
С тобой оставаясь один на один,
Рыдал, как изгнанник Овидий.

Он крепко с тобой подружился в Крыму
И нежно прощался в Одессе,
И ты рассказало по дружбе ему
Не мало преданий и песен.

2

Казалось ему — кандалами
Звнели валы иногда
О берег Одессы, домами
Едва приодетый тогда.

Одесса тогда молодою
И мало известной была.
Обижена пресной водою,
По-детски грязна и смугла.

Одесса. Тоска по отчизне,
 Манящие в даль корабли,
 Театр, увлечение Ризнич
 И дружба с пиратом Али.
 Он, родич пирату по предкам,
 Бунтарскою славою горд,
 И здесь эпиграммою меткой
 Царевых разил держиморд.
 Особенно бит держиморда,
 Известный в столичных кругах
 Под кличкой приятной — милорда,
 Весь край тот державший в руках.
 Полу-либерал, полу-деспот,
 Надутый, как сыч, Воронцов
 Набросил на плечи Одессы
 Сверкающий мрамор дворцов.
 Но памятник графу за это
 Поставлен не в меру высок —
 В сравнении с бюстом поэта,
 Что был его рифмой в висок.
 Зато, раздуваясь от спеси,
 Писал не один старожил
 О том, как поэт наш в Одессе
 Гулял, увлекался, дружил.
 Напутали много, наврали,
 Не сладко жилось ему там,
 Коль думал побег свой направить
 По зыбким соленым хребтам.

И песни поэта и речи
 Вели в наступленье друзей.

Он спорил с царем издавеча,
Он рвался навстречу грозе.
Три года он жил на границе
Терпенья и русской земли,
И только во сне ему снится
Столицы России могли.
И только могла емуниться
За синюю тучей гора.
Орлу надоела темница:
— Мы вольные птицы! Пора!..

5

О, лучше бы за морем, в битве
Погибнуть от пуль иль штыков,
Чем пленником ехать в кибитке
По пыльной дороге на Пеков.

Маргарита Алигер

ДОРОГА

Пушкин завтрашний день отправляется отсюда в город Псков по данному от меня маршруту через Николаев, Елизаветград, Кременчуг, Чернигов и Ватеск. На прогоны к месту назначения, по числу верст 1.821, на три лошади выдано ему денег 309 р. 4 к.

Одесский градоначальник в донесении новороссийскому генерал-губернатору от 29 июля 1824 года.

Вот и деньги на прогоны!

Эй, ямщик!

Пошел!

Пора!

...перегоны, перегоны,

Версты, хаты, хутора.

Через город Николаев,

Через Елизаветград...

По ночам собачьим лаем

Села встречные гремят.

И тоска от скуки пыльной,

От медлительной езды.

Новороссии обильной

Плодоносные сады.

Из пылающей Одессы...

Бубенцов тоскливый звон.

— Не коллежский ли ассессор? —

— Да, ассессор, точно он. —

Воронцовских дел чиновник

С непутевой головой,

Преисполнен чувств сыновних,

Возвращается домой.

Разговор неосторожный,
Полицейский, не лови!
Ставь отметку в подорожной!
Как угодно назови!
Хоть чинушей!

Я не спорю,
Нет еще в России, нет
Громомосного, как море,
Злого звания: поэт!

Где искать почет и славу?
Что споет тебе ямщик?
Если в сточную канаву
Пьяный валится мужик.
По дорогам непроезжим
Детский плач и бабий вой.
На плацу перед манежем
Гром музыки полковой.
И проезжий хмурит брови...
И ямщик взывает кнут...

Офицеры в Могилеве
О приезде узнают.
— Пушкин?

Не поэт ли?

Точно! —

Тут он нужен и любим.
Молодежь спешит на почту.
— Где наш Пушкин?

Мы за ним! —

В архалуке молдаванском,
Подпоясанный платком,

Кубок, налитый шампанским,
Осушил одним глотком:
— За скитальческую младость!
За хозяев!

За гостей!

За украденную радость!
За внимание властей!
«Я люблю вечерний пир,
Где веселье — председатель,
А свобода, мой кумир, —
За столом законодатель».
Только пятый час утра.
Только ехать мне пора! —
Перегоны, перегоны,
Версты, хаты, хутора.
...Может, дома будет лучше?
Кто их знает!

Ночь темна.

Мчатся тучи, выются тучи,
Невидимкою луна.
Может, надо так для песен,
Убедительных, простых,
Как Онегину-повесе
Поспешать на почтовых.
Что ж, пиши конец романа
Об Онегине в глуши...

Сквозь волнистые туманы
Светит месяц. Ни души.
Ни огня, ни черной хаты.
Просыпаться... засыпать...

Жаль, родные не богаты
И наследства не видать.
Нет полуденного блеска.
Тихий, плоский, ровный вид.
Видишь, первая березка
У шлагбаума стоит.
Ты стоишь в закате лета,
Пышной зелени родней.
Здравствуй, первая примета
Горькой родины моей.
Здравствуй, северное лето,
Деревенский звонкий мир.
Труд от света и до света,
Печка, свечка и трактир.
Крылья мягко опуская,
Только галка пролетит,
И губерния Псковская
За шлагбаумом лежит.
Даже песня не поется...
Замирают голоса...
Даже солнце не пробьется
Сквозь дремучие леса...
Нет!

Еще не все пропало!
Если двадцать пять годов,
Что мне царская опала?
Я и молод и готов
К рукопашной.

Слышу, слышу!

Впереди достанет лет.
Для меня всего превыше
Злое звание: поэт!
Что ж!

Указывайте сроки!

Смысла, вымысла, арест...
А судьба волеется в строки
И дойдет из дальних мест.
То ли свиньет лиценста
Торопливая рука,
То ль раздастся в поле чистом
В долгих песнях ямщика.
Чтобы графы Воронцовы
Поняли в конце концов:
Я стихи прочту в лицо вам!
Вы опустите лицо.
Назло всем

сквозь бедность, беды,

Улыбаясь, проходить.

Все презреть!

И для победы

Назло самой жизни жить.

Буду жить!

В глуши,

в Сибири,

Где приишут, где хотят!

В целом свете, в целом мире

Только жизни буду рад!

По знакомым, незнакомым

Перекресточкам лесным...

Вот ты дома!

Вот ты дома!

Две дороги. Три сосны.

Иван Дремов

АРИНА РОДИОНОВНА

Осенью наполнена Россия.
Ничего хорошего не жди.
Как свинец, тяжелые, косые
С небосвода падают дожди.
Яблони охвачены тоскою,
Потухает рыжая трава.
На ветру, в саду и над рекою
Борются и стонут деревья...
С двух сторон, приподнимаясь круто,
Глубина зеленая озер,
Побережья волнами опутав,
Мечется и рушится в простор.

**
*

Он идет. Холодные картины
Застылают горестями взгляд:
Хаты, обнаженные овины
За холмами кладбищем рябят.
Родина — не родина, а плаха,
Кнут свистит над жизнью мужика.
Мельницы, как женщины от страха,
Простирают руки в облака.

Тучами прижатая лачуга...
От тесовых стареньких ворот
По грязи к задумчивому другу,
Улыбаясь, нянюшка идет:
— Ты продрог... измучился, блуждая,
Проходи, я двери притворю.

— Нет, моя наставница родная,
Я везде — и под водой горю...

Ветками по кровле одинокой
Ветер бьет и отлетает прочь.
Сосны необузданным потоком
И ревут и пропадают в ночь.
Гаснет свет. Угрюмая лампада
Утопает в темени лесной.
— Нянюшка, не уходи, не надо.
Тяжело мне, посиди со мной.

Древних сказок описанные нити
Потекли... пропала темнота.
И народ, как первый победитель, —
Все друзья и недруги, глядите! —
Царские раздвинул ворота.
По коврам багровым и зеленым,
По цветам, среди кочек муравы
Он проходит к меркнувшему трону,
Он берет постылаю корону
И к ногам бросает на ковры.
Вот уже и, затопая горе,
Из-за туч и каменистых глыб,
Хлынуло сверкающее море
Золотыми косяками рыб.
И со дна, под небом голубиным,

Захлестнув сиянием простор,
Окруженный верною дружиной,
С бородою непомерно длинной
Вздыбился могучий Черномор.
Он плывет... и пропадает где-то.
Над Россией, в сказочном саду,
Петухи, как вестники рассвета,
Раскричались —ночи на беду.

**

Комната наполнена весною,
Спит поэт. До нежности тихи,
Умолкают рядом, за стеною,
Нянюшки усталые шаги...

СВЯТОГОРСКИЙ МОНАСТЫРЬ

Синевой и золотом окован,
Над округой древний монастырь,
Как монах от дьявольского слова,
В облака откинувшись, застыл.
Закрывая каменные веки,
С хрипотой от злобы и простуд,
Голодом распятые калечи
На распутьи Лазаря поют.

Ко всему прислушаться готовый,
Потрясенный пламенем забот,
Вот в рубахе пасмурно-багровой
Александр Сергеевич идет.
Как в туман заброшенного сада,
Он вырастает в нищую толпу...
И от грузной тесаной ограды
Беспокойно тянутся к нему.

Петербург и недруги забыты.
Вкруг него толпятся старики.
Вот он сел на каменные плиты.
Что же скулы смуглые не бриты,
Что сверкают желтые зрачки?

А с холма рыдающее пенье
И глухое звяканье кадил,
И по длинным столпанным ступням
Богомольцев скорченные тени
Двигутся, ломаясь у перил.

...Вот они перед тобой впервые,
Люди, от рождения слепые,
Как истоки отдаленных гроз,
Поднялись лохматые, живые
Тучью невыплаканных слез.
Поднялись, угрюмы и высоки,
Из лачуг, из кабаков и ям.
И твои негаснущие строки
Их ведут к свободе и друзьям.
Ты не пал от пули окаянной —
Сквозь веков застывших бытие
Слышу я, как дышит океаном
Сердце вдохновенное твое.

Сергей Островой

НОЧИ В МИХАЙЛОВСКОМ

I

Нет конца окаянной вьюге,
Свищет ветер по всей округе,
По степи замечает след...
— Мама, мамушка! Мне не спится!
Будто птица, душа томится,
Третьи сутки покоя нет! —

Родионовна села рядом,
Поправляет ему постель,
И глухим, занесенным садом
Нараспашку бежит метель.

Темень чортова! Темень сучья!
Ах, до боли в глазах темно.
Перемерзшие за ночь сучья
В ледяное стучат окно,
И деревья склонились долу,
Свищет вьюга со всех высот.
...И, распутав клубок тяжелый,
Нянька так свой рассказ ведет:

...«Было это давно, далеко ли,
Не запомню, в каком краю.
А спою я тебе — о соколе,
Да про злого царя спою.

У того ли царя Додона
Первым чудом из всех чудес
От Москвы, почитай, до Дона
Золотой поднимаюсь лес.
А дубы в том лесу — не зелены,
Золотой на дубах наряд,
И светелки для птиц — побелены,
Самоцветным огнем горят.
А зверья в том лесу... (Тьфу... дура я...
К самой ночи да этот страх!)
Только ходят те звери бурые
На больших золотых цепях.
Стерегут их лихие вороны,
Золотая костер-трава,
И на все на четыре стороны
Про Додона бежит молва.
Так бежит, словно гром трезвонится,
Нет ее на бегу быстрой,
А кто встретит молву — поклонится
Да уступит дорогу ей.

И ходила молва, что барыня...
Только встретиться ей серый волк.
— Ты далеко ли шла, сударыня?
Сам клыками-то щелк да щелк

Ан не сходит молва с дороги,
Пуще грома ее слова:
— Уноси-ка ты, серый, ноги,
Коль царева идет молва! —

И ушел по дороге волк,
И клыками-то щелк да щелк.

Тут навстречу бежит лисица,
Да и ну соловейкой петь:
— Здравствуй, здравствуй, молва-сестрица,
Век бы мне на тебя глядеть. —

Ан не сходит молва с дороги,
Пуше грома ее слова:
— Уноси-ка, рыжуха, ноги,
Коль царева идет молва!
И сбегала с пути лиса,
Схоронили ее леса.

Разогналась молва далеко,
Ветер вслед ей метет траву,
Но летел над землею сокол
И не глянул на ту молву.
Как подпрыгнет молва, взъярится,
Прямо с корнем дерет траву,
Но летит себе сокол-птица
И не взглянет... на ту молву.

Воротилась молва к Додону.
— Гей, вы, стража! К царю гонец! —
Да и в мах со всего разгону
В золоченый бежит дворец.
— Хошь казни меня, царь, хошь милуй.
Сколь ни хожено мной путей,
Только сокол один постылый
Непокорен молве твоей.
Ты поймай, повелитель, птицу
Да за дерзость ее допрежь
Посади в каземат-темницу,
Да и крылышки ей подрежь. —

Заскакала молва, захохотала.
Загремел тут Додон, что гром:
— Гей, вы, слуги! Ловите сокола!
Да ведите ко мне живьем!
А за то, что летал всех выше
Да глядел свысока на всех,
Жить ему — под моею крышей,
Да служить для моих утех! —

...И пошла от царя погоня,
Затомился седой ковыль,
Буйным ветром летели кони,
В три столба подымая пыль.
Скачут, скачут царевы слуги,
Под ногами горит земля,
Будто черти на темной выюге,
Пролетают они поля.
И к утру, на лихом рассвете,
В самый темный да ранний час,
Повязали царевы сети
Соколиную силу враз.

С той поры, во степи ли, во поле,
Чуть займется горюн-заря,
Вольный ветер поет о соколе,
Да про злого поет царя».

2

Под снегами храпит округа,
Над снегами еще темно.
Ночь уходит. И только выюга
Постучится к тебе в окно.

Да раскинув крыла косые,
Побредет по степи рассвет.
Может, тем и славна Россия,
Что ночам ее — края нет?!
И в снегах, как в глухой тревоге,
Может, сбившись навек с пути,
Как слепые, стоят дороги —
И не знают, куда идти.
И когда колокольчик редкий
Захлебнется в степи пургой
(Будто птицы слетают с ветки
Под его расписной дугой),
Так и чудится:
В ночь, в полесьи,
В мир, в который входить нельзя,
На крылах потаенной песни
Похищают тебя друзья.
И несут тебя в путь. И вольный
Ветер встал на пути твоём,
Только больно той песне, больно
С перебитым дететь крылом.
Ей бы позже на век родиться!
Ей бы грому греметь вдогон!

3

...Ночь уходит. Тебе не снится.
Заблудился в дороге сон.

И, повенчанный с горькой славой,
От подруг и друзей вдали,
Что ты встретишь, певец курчавый,
Солнцем встав на краю земли?!

Лев Ошанин

ПОСЛЕДНЯЯ ВСТРЕЧА

(Ночь в Михайловском)

Рвет метель и метет и светит.
Как в метели снега шуршат!
Вот опять, издеваясь, ветер
Бубенцами звенит в ушах.
Только ветру не верь — обманет.
Кто заглянет в такую щель?
Руки к двери, дрожа, протянешь,
А за дверью одна метель.
Ляг в постель, ты один на свете.
Только это уже не ветер.
Это все голубей и гуще
Россыпь звонкая бубенцов.
Выйди. Встреть. Твой товарищ
Пушкин

Поднимается на крыльцо.
Шуба снежная нараспашку.
Пушкин входит из темноты.
И навстречу в одной рубашке
Босиком выбегаешь ты.
Как ребенка берет тебя нежно
И несет и целует.

«Устал?»

Пушкин! В такой скуке снежной —
Ты! Откуда? А я-то ждал...»

Как в лицее за первой тетрадкой,
Снова вместе, обнявшись, вдвоём.
Вот теперь в самый раз бы дядьку
За шипучим послать вином.
Он приехал. Он рядом с тобою —
Спутник юности дерзкой твоей.
Он и Дельвиг — наверно двое
У тебя настоящих друзей.
Запахнув разлеты халата,
Вот уже ты читаешь стихи.
«Что в Москве? Что Рылев?»

От брата,

От отца, от друзей — ни строки.
Что в столице? Все тот же гнетущий,
Душный воздух? Близка гроза?
Так чего ж ты скрываешь, Пущин,
И отводишь к окну глаза!»

Пущин молча глядит на бескрайний
Белый снег, на кустарник двора,
На тебя...

Может, верно, пора

Подделиться с товарищем тайной?
Ты зреее теперь и серьезней.
Но крылатые перья в столе —
Сколько песен

горячих и грозных

Ты подарить еще земле!
Нет, не Пущин расскажет про это.
Коли надо, он встретит картечь
И в остроге спивет,

но поэта

Для России сумеет сберечь.

Он молчит, улыбаясь. Так проще
И верней.

...А уже через год
В снегопад на Сенатскую площадь
Он с Рылевым рядом идет.
Пушкин! Ты не забудешь, терзаясь,
Как бежал в Петербург невпопад.
То ли черная весть, то ли заяц
Твой возок повернули назад.
Тем — тяжелая горькая слава,
Твой удел —

вспоминать и грустить
И на первых набросках «Полтавы»
Вместо строчек веревки чертить.
Смотрят с висельнц синие лица.
По России завьюженной

вширь
От Урала и до столицы
Кандалами звенит Сибирь.
Ты один в этом страшном мире.
Но ты пишешь туда письмо.
И с Одоевским из Сибири
Отвечает время само.
Ни тюрьма и ни страшный выстрел
Не отрежут пути заре.
Суждено этим вещим искрам
Вспыхнуть пламенем в Октябре.

А пока,
как за первой тетрадкой,
Ты со смерстником, с другом вдвоём.
Вот теперь бы, как прежде, дядьку
За шипучим послать вином.
Только друг загадал иное.

Улыбаясь, идет из сеней
И шампанское ледяное
Достает из широких саней.
И за правду, что не остудит
Ни тюрьма, ни картечь, ни клинок,
И за дружбу, что крепче не будет,
И за встречу своих дорог
Пьете вы.

Наступает вечер.
Сколько слов еще есть!

Но вот
На полслове, кончая встречу,
Пушкин, слезы стряхнув, встает.

Вот дорога. Навек, сквозь бури,
Старый друг ускакал по ней.
И ты долго глядишь, понурясь,
На следы от его саней.

П. Панченко

ПУШКИН И ПУЩИН

Так вот они, михайловские сосны!
Здесь на дороге, уходящей в гору,
Стоял изгнанник, заносимый снегом,
И с вами разговаривал. И долго
Шуришали вы, шептались меж собою,
Когда он возвращался в тихий домик,
Дарованный ему взамен Сибири.
Опальный домик! Что за голоса
Таят так много слышавшие стены!
Шуршите, сосны милые, шепчитесь —
Я буду третьим при заветной встрече,
При встрече заговорщика с поэтом:
— Что Дельвиг? Что Вильгельм?.. А говорят,
Фамилия моя, как призрак Павла,
Плешивого пугает.

— Милый Саша,
Да ты не верь! Ты сам себя не знаешь.
Не знаешь, что тебя по всей России
За каждое твое стихотворенье,
Как за бесценный дар, благодарят.
Мы только одного теперь и жаждем:
Конца изгнанию твоему! (А в мыслях:
Прости, родной! Но как тебе открыться —
Безудержному, буйному такому?)

И будет так: о чем ни говорили б —
О скуке, о тригорских ли соседях,
О превращенья ли артиллериста
В надворного судью, — как луч сквозь тучу,
Она пробьется, тайна, от которой
И плакать хочешь, и щекочешь друга,
И няню тормошишь, и не читаешь,
Кричишь стихи.

И вдруг понятней встречи
В Одессе, в Кишиневе, в Тульчанах,
И разговоры в Каменке, — как будто
Ты это все в одно мгновенье прожил,
Но прожил по-иному.

Где он, Пестель,
Кто без своей отчизны, как поэт —
Без языка родного?..

За стеною

Негромкая, как будто в дальнем поле,
Раздастся песня — и друзья заглянут
В светелку няни: вот она, Россия,
Что воедино души их слала!
И будет пир! И будет Грибоедов
На все века клеймить тузов московских
Клеймом пословиц! (Браво, Грибоедов!)
Но «Горе от ума» Четыр-Минеей
Заменят: на дворе мелькнет монах,
Божественный сподвижник Бенкендорфа.
И Пущин объяснит архимандриту:
— Тот Пущин — генерал, а я — судья,
Товарищ Александра по лицую.
И спросит Александр еще бутылку:
— За нашего судью, святой отец!
И станет пить монах за декабриста.
— За генерала Пущина, отец!

И выпьет святогорский настоятель
За русского Квиригу!

— За нее!

(Тут Александр на мамушку укажет)

И выпьет одураченный монах,

С крамольниками вкупе:

— За свободу!..

Крамольник Пушкин, первый друг поэта,
Сквозь тысячи самодержавных выюг,

Вы прорывались к ней, к моей свободе!

За всю Россию обнимая друга,

Ты вместе с ним глядел на эти сосны,

Вы оба говорили:

— Здравствуй, племя

Младое, незнакомое!

Я слышу

Родные голоса в приветном шуме

Шуршащих сосен. Вестницы поэта,

Шуршите! Я и в громе мастерской,

И в пограничном грохоте орудий,

Припав к земле родной,

Услышу вас!

ОТЪЕЗД ПУЩИНА

Рванулись кони. За санями вслед:
— Прощай... прощай... И это — до могилы.
Опальный на крыльце стоит поэт:
— Прощай, прощай, души товарищ милый!

Свеча слезится у чего в руке.
Да он и сам... бежать вдогонку хочет.
А колокольчик друга вдалеке
На всю Россию над царем хохочет.

Смеется дружба. Слышишь ли, злодей?
Она превыше твоего запрета.
Она дыханьем вольности сопрета,
А ты, самовластитель, холодей!

Еще к тебе твои щенки прижмется,
Еще о Пестеле узнаешь ты,—
Когда вольнолюбивые мечты
Возмездьем грозным обернутся,

Когда тебя, твоих детей разя,
Ряго наш поднимется сурово
И вместе с ним — из двух столиц друзья,
Из Каменки, Одессы, Кишинева!

Ах, Пушкин, Пушкин, я же знал о ней,
Я сердцем чуял тайну дорогую...
И Пушкин, пролетев версту-другую,
Все так же видит друга из саней:

Все так же мечется в ладони братской,
Не угасает огонек свечи...
И дальше, дальше, с площади Сенатской,
Из крепости и в каторжной ночи

Он будет видеть милого поэта,
Неповторимый отблеск на щеке,
На дрогнувших губах слова приветя,
И солнце, не свеча, в его руке!

БЕССОННИЦА

Повешены... Не слезы, не проклятья —
Тут месть нужна, несущая кинжал.
Рылаев! Пестель! Вам я руки жал,
И вы мне отвечали. Те позатья

В моей душе! Рука моя горит.
Не ваше ли тепло в ней сохранилось?
Она же с той поры не изменилась,
Она о вечной мести говорит!

Она кричит, горячая рука,
О пятерых, навеки сердцу милых!
А за тюремною стеной река
О вольности шумит, не о могилах.

О будущем!.. Я вижу, вижу вас,
Народы-братья, сквозь века разлуки.
И в этот темный, беспощадный час
К далекому, к вам я простираю руки.

И вот поди: в карманах руки прячь.
Ходи, ходи, ходи — и думай, думай, думай!
А над твоею непреклонной думой
Расправил петлю царственный палач...

И сядет... И, забывшись, нарисует
Так пятерых, что к мести воинют.
Товарищи... и я бы мог, как тут...
Как Пестель! Как Рылев!.. и задует

Слезящийся огарок. Но постель
Останется до утра непрямой.
На двор! И втиснет пятерню — в метель:
— Эй, Николай! Руби ее, проклятый!

Л. Черноморцев

ПСКОВСКАЯ ЯРМАРКА

Пыль от колес, трактира кислый пар
И запах дегтя виснут над толпою,
Несет офеня пестрый свой товар,
И, руки в боки, фертон, самовар
На полку встал, любуясь сам собою.

Кого не встретишь в толчее такой!
Цыган с серьгой разбойницкою в ухе,
Старик-слепец с протянутой рукой,
Приказчик в однорядке щегольской,
И в жарких сарафанах молодухи.

Здесь, ненароком, шутку услышать
Иль второпях оброненное слово
В толпе крестьян с улыбкою поднять,
Как поднимал найденную подкову.

Порою здесь на сказку набредет
Иль песню заунывную отыщет,
В которой думы затаил народ,
В которой вдруг как будто нож блеснет,
И острый ветер вольницы засвищет!

Былинная тогда повеет ширь
В лицо ему...
С времен царя Ивана
Недаром водит сказку поводырь
По деревням, по торжищам и станам...

Да! Неспроста он, видно, полюбил
В своих скитаньях ярмарки родные
За простодушие, за веселья пыл,
Которые и в рабстве сохранил
Простолюдин повсюду по России.

И все, что нашептала с давних пор
Ему, поэту, старая крестьянка,—
Все неспроста. И может в синь-простор
Подняться чудный самолет-ковёр,
И расстелиться скатерть-самобранка.

Яков Кейхауэ

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Гремят бубенцы и подковы,
Взвывается с посвистом кнут.
Ухабы и камни от Пскова
Заснуть седокам не дают.

Скакать по приказу из ссылки
До самой Москвы второпях
И страшно и радостно. Пылакий
Изгнанник смолкает всердцах.

Он, если бы надо, все годы,
Что прожиты в ссылке не зря,
Отдал за неделю свободы,
Не сдавшись на милость царя.

Но, может, покладистый малый
Его молодой государь?
Надежды у Пушкина мало
Зажить без надзора, как встарь.

Как долго он рвется в столицу,
Без отдыха время гоня!
Как долго он хочет забыться,
Россию любя и кляня!

Он встретит друзей и при встрече,
Услышав от них похвалы,
Взгрустнет по другим, что далече
Изнашивают кандалы...

В коляске невесело, — дальше!
Пусть кони храпят, разъярясь!..
Он скачет с фельдшером Вальшем,
И плещет дорожная грязь.

К дверям высочайшим раскрытым
Он прибыл с дороги, и вот,
Забрызганный грязью, небритый,
По лестнице наверх идет.

Встает император любезный:
«А, здравствуй! Увидеться рад.
Со мной подружиться полезно:
Поставлю с вельможами в ряд».

В камине пылают поленья,
И ссыльный глядит на огонь.
Усталость толкает в колени,
На мрамор кладет он ладонь.

«Но помни, что слава худая
Была у тебя как-никак.
Ты знал хорошо негодяев,
Которые там, в рудниках...»

Скажи мне по совести: где ты
Стоял бы в тот день декабря?»
И ссыльный, вопросом задетый,
Угрюмо взглянул на царя.

«Иного, — вы знаете сами, —
Ответа я дать не могу:
Я был бы с моими друзьями
На площади той, на снегу».

«Ого! Ты схватил бы простуду.
Однако, ты храбрый. Каков!
На площадь? — и прямо оттуда
В Сибирь, не снимая оков?»

Хитер император сегодня:
И цензором будет он сам,
И ссыльный не станет свободней,
Вернувшись к столичным друзьям.

До смерти за Пушкиным слезка,
До смерти проклятье на нем!..
В камине трещат головешки
Под бледным тщедушным огнем.

Константин Симонов

ТРИ НОЧЛЕГА

(Путешествие в Арарум)

I

Вот, наконец, сошел на постоялом.
Пока кузнец менял коням подковы,
Достали,— за ценой не постоял он,—
Хорошего лафита и жаркого.
Велел распорядиться о постели,—
А лошадей пусть все-таки заложат —
Еще не знал, остаться ль в самом деле,
Иль тут же в путь отправиться, быть может.
Шампанское сейчас пришлось бы к месту,
Поднять бы тост за вечную свободу,
За то, что вырвался он, наконец-то,
За дальний путь, за ясную погоду!
И, хоть за тридцать скоро перевалит,
Но чорта ли ему в годах прошедших!
Готов клопов терпеть он на привале
И вновь вперед скакать, как сумасшедший.
Готов он на мальчишество и удаль,
Когда столицы обе в отдалении,
Когда от взора — хорошо ли, худо ль —
На миг сокрыто Третье отделение.
Нет, спать невмочь — шлагбаумы открыты,
Сейчас же в путь! Еще есть вольный воздух
И путь ночной, и конские копыта,
Есть время, расстояния и звезды!

Какая духота внутри палаток.
 Откинуть полог, выйти в темноту...
 Но лагеря назойливый порядок
 Усугубляет эту духоту.
 Похожий на квадратные парады,
 Стоит солдатский полотняный рай.
 Одни однообразные квадраты
 Придумал император Николай!
 Квадратный шаг победоносных армий,
 Каре соборов, гауптвахт, дворцов,
 Квадратный корпус корпуса жандармов
 И Дубельта квадратное лицо.
 Квадратные воротники... Как больно
 Вытягиваться к воздуху из них!
 И он рукою щупает невольно
 Свой мягкий и просторный воротник.
 О, штатский ворот, ты достоин оды.
 Хозяин твой подавлен и стеснен.
 И в качестве единственной свободы
 Ему свободный ворот сохранен.
 Как душно все-таки! В одной рубашке
 И в щегольских, со штрипками, штанах
 Он долго ходит, — [ворот нараспашку,
 И думает! На крепостных стенах
 Кричат по-басурмански часовые.
 Арзрум назавтра, может быть, падет.
 Железная пята твоей России
 Еще на шаг продвинется вперед.
 В палатках спят. Среди солдат уснувших
 Там спят они; уже привыкнув так,
 Три декабря, три года протянувши
 В солдатских званьях, в гибельных местах,

А впрочем, уж иные отличились —
Тем взят редут, тем турки сражены:
Сукозные мундиры получили
И обер-офицерские чины.
Иные образумились. Иные,
Не образумясь, все равно молчат;
Уйдя от глаз людских, в часы ночные
Проклятья одинокие кричат.
Но он поэт. Глухое одиночанье
Уже не похоронит строк его.
И так страшна цена его молчанью,
Что мало им молчанья одного.
Пускай утонят в ссылку белой ночью,
Пускай стихи к продаже запретят
И тем в одно сплошное многоточье
Российскую словесность превратят.
Но люди спросят — разве так и надо?
И люди спишут, перечтут, найдут:
«Кинжал», «Чаадаеву», «Гаврииладу»,
«Во глубине сибирских руд»...
Как душно все-таки! Зачем сюда он ехал,
Зачем столбы бежали по краям
Наперекор опекам и помехам,
Наперекор жандармам и друзьям.
Не проще ль было, даром не трудившись,
Не тратясь на чай в конце концов,
К тому же Бенкендорфу обратившись,
Спросить его, как частное лицо:
— «Скажите граф, узели повсеместны
В России храмы, кабаки, чины,
И преданность дворян мелкопоместных,
И белые жандармские штаны,
И духота?» — И граф бы добродушно
Его от путевых расходов спас:

— «Вам душно тут? — Вам всюду будет душно,
Мы климат заводили не для вас!»
— Не для меня... Он тяжело вздыхает
И пристально глядит на юг, — туда,
Где над глухим Арзрумом потухает
Последняя тревожная звезда.

III

Полперегона до Москвы всего,
И вот твой дом, и грустный твой возврат.
И свет не изменился оттого,
Что ты скакал пять тысяч верст подряд.
Стучат колеса.
Пристяжные ржут.
И, прыгая в коляске по камням,
Он свой плаatok сворачивает в жгут
И злобно смотрит в спины лошадям.
Что он увидит вновь, в Москву примчась?
Обеды и молебны, скуку, страх,
Своих друзей ничтожнейшую часть,
Бунтарский дух — при запертых дверях.
И это сочетание ему
Легко понять и, может быть, простить;
Но для поэта двери ни к чему.
Они его не могут защитить!
Как одиноко будет жить ему.
Порог, помедля, переступит он.
Войдет, не доверяя никому;
Напротив дома вырастет шпион.
Дать по зубам? Но не его вина.
Пускай стоит, подлец, куда ни шло!
Прошла горячей волн времена,
На смену им презрение пришло —

Презрение и ненависть.— В Москву!
Я ненавижу — стало быть, живу.—
«О сколько лиц бесстыдно бледных,
О сколько лбов широко медных
Готовы от меня принять
Неизгладимую печать».

Маргарита Алигер

ОСЕНЬ В БОЛДИНЕ

Утрами травы, мхи и пни
в холодном росном серебре.

Стояли дни.

Такие дни...

 Такое лето на дворе...

 Лег луг за рощею покат.

И раз

 по запахам,

 по свету

ты ощутил в один закат,
что это лето — уж не лето.

Ты раз проснулся.

 В небесах
стояло солнце. Было восемь.

Багряно рдела на ветвях

Сухая болдинская осень.

И ты шептал ей:

 «Подожди».

Но в шорохах ответ:

 «Пора!»

Прямые длинные дожди
идут с утра и до утра.

С утра дождем изрезан день.
Пора прогулок и занятий.
Собаки мокрые худей,
чернее и щеголеватей.

Просторы ровные полей
без края и конца текут.
На хвостинке поробей
качался несколько минут.
Настало время холодать
смешным, сырым, осенним птичкам.
И ты идешь.

Когда бы знать
твои движенья и привычки!
Стоит отяжелевший сад.
Просохшей телеги след...
Томится алчущий поэт
в деревне... В осень... В листопад...

Случайно завернет сосед,
и ты соседу будешь рад.
Пойдут обычные расспросы:
— Какие новости в столице? —
Расскажет:

— Отрубили косу
смешливой, смутлой и раскосой
повиной дашке-кружевнице. —

Ходить по комнате в халате.
Какое небо на закате!
Припомнить, что в Москве парад,
грома и блеск. Салюты... Флаги...
И вдруг почувствовать: пора,

чтоб тень гусиного пера
памяла, как парус, по бумаге!
Чтобы широкий сизый дым
висел распастанною птицей,
чтобы, дыханием одним
горя, исписывать страницы,
чтобы на несколько минут
вздохнуть,

взглянуть,

увидеть вещи...

Подумать:

это перечтут
людские толпы. Как поймут?
Иль оснистав, иль рукоплещая?
Шаги услышать у дверей,
и няня с чаркой у порога,
чтоб сразу стало веселей,
теплей от сладкого ожога.
Мальчишкой бешеным вскочить,
на каблуке перевернуться
и чай, прижмокивая, пить
из разрисованного блюда.
Понять усталость хорошо.
Пробило полночь на часах.
И дождь как будто бы прошел...
Опять как будто начался.
И снова взлет!

Лети, рука! —

пока ты помнишь?

было лето.

Пока ты весь горящий,

пока —

ложится за строкой строка,

И ты не должен знать, что где-то
француза гладкая рука,
коротенький полет курка,
пустое дуло пистолета.

В. Редчиков

ПУШКИН НА ОРЕНБУРГСКОМ ВАЛУ

1. РОЖДЕНИЕ ПОЭМЫ

Синяя птица кукуша
Над степью уральской вьется,
Над пепельною полынью
Свой расправляя наряд;
Сизые ее крылья
Так помахают на солнце —
Кажется, вот-вот вспыхнут
И моментально сгорят.
Не мудрено —
Жарища,
Потом ударят морозы
Так же серо и голо...
И запоют, запоют
Ветры над плоской степью,
Широкой, как скулы монгола,
Трещинами покрытой,
Словно на ней скорбят.
Ветры от Каракума
Сменятся от Анадыря —
Вот они начинают,
Ведя за собой туман.
Вслед за пунктиром ровным
Птичьего перелета
Тихо плывет паутины
Траурный караван.

Он шагает по валу,
По крепостному валу,
Чужой, как сняя птица,
Здесь в пестроте своей.
Он в степь напряженно смотрит,—
Не так, как уверенный прадед.
Прошлое в память катит
Конницей из степей.

Он приминает ногою
Красно-бурую глину
Вала,
С которого в ливень
Хлещет бурая кровь.
Слева из-за Форштадта
Рвется в обход Сакмара,
Справа волны Урала
Со своей свищовой игрой.

Я бы сделал из вала,
Из этого бурого вала,
Хорошие пьедесталы
Для бронзовых всех царей,
Чтоб каждый видел воочью,
Как кровь людская хлестала
Под грохотом непогоды,
Под грохотом батарей.

Вот вылетает стасей
Конный отряд — башкиры;
Если бежать, никакие
От них не спасут пути;
Если им вслед погонится
Тяжелая царская конница,
То и коням гусаров

В степь далеко не уйти.
Падают возле вала
Шапки лисы-огнянки,
Брызгами разлетаются
Соленые струи клинков...
Сзади за частоколом
Здесь суетились люди
Со странными и смешными
Редьками париков.
Они отстояли город
За этим горбатым валом,
Фортисты самодержавья,
От гнева народных атак.
Они отстояли неволю,
Подвалы дворов гостиных,
Жандармскую гауптвахту,
Таможню, трактир, кабак.
Он хочет шагнуть навстречу
К вольнице, с ней в походе
Тяжелую думу сбросить,
Забывать, что на севере
Там
Царь свой глаз оловянный
На Натали наводит.
Депеши жандармского корпуса
Следуют по пятам.
Но что несут эти орды,
Страшные в разрушении?
Что же их остановит —
Казни, рассудок, плен?
Столько понакопили
Отчаянья, гнева, пыли
В рваных лохмотьях легких,
Во вздутом склерозе вен

Эти...

Он ногу заносит

Над валом...

О, дух сомненья!

Ты на Сенатской площади

Лег поперек, как ров.

Секунду он задержался,

И кажется — в это мгновенье

Руки ему на плечи

Сзади кладет Бенкендорф.

Тебе не гулять в походах,

Великий певец поднадзорный!

Какое страшное дело —

Все понимать и глядеть...

Какое страшное дело —

Владеть беспредельной мыслью...

Зато ни власти, ни силы,

Ни воли своей не иметь.

Отцы на Германской знали

Безвыходность положений,

Когда впереди и сзади

Могилы окопный ров,

Когда против каждой роты

Немецкие пулеметы,

Когда над каждым затылком

Револьверы офицеров.

И на секунду Пушкин

Чувствует:

Он — Евгений,

Он — петербургский чиновник,

Застенчив и угловат...

Обидою в сердце саднит
Будущая поэма —
Вздыбился медный всадник,
Забушевада Нева.
...маленький человечек
Мечется больше чаек.
Что ему обещает
Холодное пламя воли?
Бежать под защиту трона,
Льва оседлать из гипса,
А что, если вдруг оживет он,
Четвероногий трон?
Он растворится в волнах,
В бурной Неве растаяв,
И полетит, сметая
Титулы, бронзу, дома...
А сзади, где жизнь — обида,
Летят на него копыта,
Бронзовые копыта,
Любимая погибает...
И сам он сходит с ума.

2. НАПОРМОРТ

Пушкини застыл монументом
На пьедестале вала,
А мимо за грань горизонта
«по милости божьей царей»
Длинною вереницей
Ржавые длинные пушки,
Чугунной опорой трона,
Шли в строю батарей.

Вот так же ползали к Ирану
От побережий датских,
Через пески и кости,
Через Кавказ — напролом...
Поскрипывали гармошки
Тяжелых сапог солдатских,
Марш к преддверьям Востока,
Марш «под Белым орлом».

«Так неужели вечно, —
Думал он, —
Будет свято
Над каждым стоять настраже
Солдатчина и тюрьма?
Можно лишь выбыть из строя,
Можно с поста быть снятым...
Можно сойти с пьедестала,
Можно сойти с ума».

3. ВОСТОК

Солдаты проходят к востоку,
Стадо бредет, и копытник
Встревоженно падает камнем
За мышью в бурьянный ров.

Солнце плывет к закату
Над противнем раскаленным
Бурой пустынной степи,
Дороги прямы, как прут;
По ним силуэт загадочный,
Кольша горбов барханы,

Торжественно и уныло
Уносит двугорбый верблюдо.
Пыля по далеким странам,
Откуда шли орды Батые,
Туда идут караваны,
А вслед, покоря миры,
Сонный и сытый, как Будда,
Бюст нового Тамерлана
Плывет на солнце, сияя
Спектрами Бухары.

Пушкин:

«Так просвещение входит
В гнезда сорочьи базаров
Над звоном чеканных валют!
На ножик коня меняет,
За штоф быка покупают.
Дворянскую честь и шпагу
Реликвиями продают.

За это им жалуют титулы,
Их зачисляют в гильдии,
Чьих родовых потомков
Нет в строе казарменных рот,
Они воздают сторицей
Почтенье царю и царице.
Сперанский и Чарторижский
Их называют — «народ»?
Они же, глаза опуская,
Клянутся с зари до заката,
Крестясь на свечу минарета,
На свечи церковных люстр.
Для них здесь проходят солдаты,
Для них клянет революции

Христа, Магомета, Конфуция
Грозный «Священный союз».
Где они, эти люди,
Честные и упорные?
Ворочают мертвые глыбы,
Исследуют пыль мирозданья,
Далекие держат звезды
На точном прицеле линз?

Услышу ль раскат их грома,
Увижу ль их огненный росчерк
Под первым разумным приказом
От неба и до земли?»

Суслик послушал и свистнул
Через тростинку зуба,
Сверкнул рыжеватой шкуркой
В мертвой застывшей жаре,
Шаром скатился с пригорка,
Взметнул у сурчины вымет
И быстро погас в польвни,
Как огонек в золе.

4. СТАРИК

Против ворот Сакмарских,
У караван-сарая,
Возле бухарской улицы,
Где шли караваны в Пишпек,
В тяжелую медную кружку
Милостыню собирая,

Спокойный, как сильные люди,
Сидел седой человек.

Ради какого пиришества
Высочайших Лукуллов
Вырван язык скитальца,
За какие дела?

Возможно, он Пушкина видел,
Хотел рассказать об обиде,
Но как?

У него, как у скульптора,
Как у слепого скульптора,
Жизнь только в пальцах жила.

Что он ему расскажет,
Слушающий так много,—
Лет пятьдесят подряд?

Что говорит и шелчет
Эта большая дорога
Про эмира бухарского,
Про русского сардаря?

Что про него болтают
Эти взрослые дети?

Что он — атаман Пугачева?
Мало ль болтают зря!

Много историй этих,
Много людей на свете,
Все-то они по-разному
Думают и говорят.

Видевший смерч самума,
Он знал о Неве мятежной
И понимал, что частицу

Сил проверяло на ней
Злое холодное море,

Бурное и суровое,

С виду спокойно-упорное,

Словно гранальщик камней.
Он хочет прожить очень долго,
Он знает, что повторимы
Весна, приливы, восходы —
Снова придут, опять
Слушает тихие песни,
Песни тоски гонимых:
«Эх — не умела ворона
Да сокола ясна поймать...¹⁾»
Вот молодые побегги,
Затоптанные муссоном,
Ветрами Голодной степи,
Засыпанные в пески,
Мучаются от жажды,
Как казенные Михельсоном,
Высовывая желтых листьев
Шершавые языки,
К солнцу, к далеким туманам,
Летящим вверху над жарницей,
Чтоб снова стоять над степью,
Ростками под зноем звенеть,
Держать корявыми пальцами
Крепкого корневища
Рыхлую грудь пустыни —
Засуху, голод, смерть.
Жизнь бесконечна в природе,
Мсть глубока в народе,
Но если она прорвется
И если ей управлять, —
Волны всплеснут в ладони,

¹⁾ Слова из народной песни о Пугачеве.

Туча перевернется,
Лес перестанет шептаться,
Горы заговорят.
Может, так повелось
От сотворения мира, —
За храбрыми — робкие люди
Тянутся, путая след.
Поэтому у орудий
У каждого канонира
За поясом, на веревке,
Дубовый висел пистолет.
Они не боялись смерти
(Привыкшие к штольням с детства),
В штабе и на разведке
Дежурили до зари,
Страшные дисциплиной,
Стойкие, как гвардейцы,
Зарубинские¹ канониры,
Уральские пушкари.
Они врага приближенье
За сотни верст уже знали,
Первое к ним донесенье
Летело издали —
Со смрадного пепелища
Им воронье кричало
Фамилию генерала:
— Кар! Кар! Кар!²
Когда заблестело знамя,
Пришлось перейти к обороне.

¹ Зарубин — атаман Пугачева, командир уральских рабочих.

² Кар — генерал Екатерины, разбитый Пугачевым.

(Когда напрягают все силы,
Когда не жалеют сил.)

Медведю на карк вороний,
Даже на небо синее
Плевать,

Лишь в берлогу теплую —
«Господи, унеси».

Деревья стояли голые,
Голые, как рогатины,

Кустарник свистел шпидрутезом —
«Господи, унеси».

Так были холопы забиты,
Что даже шептали молитвы,
Крестясь на пригорки, где кучами
Лежали, как яйца гадючьих,
Дымясь, черепа гусарские.
— Господи, унеси...

И не остановишь, казалось,
Бегущих в галдежном гуде!
Снова построить и двинуть, —
Казалось, нехватит сил...

Пушкарь занесенную руку,
Словно фитиль к орудью,
Даже не к пистолету,
К поясу подносила...

И шли.

Каждый знал и видел
В этом суровом жесте
Любовь,

за нее на месте
Застрелит он первых шюнь.
Так ходят, ведя примером,
Только вожди-командиры,
В первых рядах колонны,

Прямо лицом к огню.
Только поверья и слухи,
Зашевелясь в непогоду
От первого порожденья,
Страшнее копыт и клинков.
Крестьяне сжигали усадьбы,
Башкиры громили заводы
Свои же!

И из союзников

Вдруг превращались в врагов.

Как во время отлива
Из воли вырастая, настраже,
Берег земли цветущей
Отстаивает грозный риф
И разбивает яли
Разбойничьих экипажей,
Так отступали в горы
Уральские пушкари.
Над ними вверху польхало
Большое бурое знамя,
Как над затерянным островом
В пустыне туманных лет;
Оно великой заявкой
Над лагерем их стояло,
На этой избитой и проклятой
И снова открытой земле.

Если же на базаре
Толпа, как стихия воя,
Била киргиз смертным боем,
Иль гарью степного пожара
Тянуло издаиска,—

Он хотел приподняться,
Он хватался за пояс...
И больно о кружку стукалась
Старческая рука.

Сергей Васильев

ВДОХНОВЕНИЕ

Ночь на Мойке 1836 г.

..Поздно. На Невском горят фонари.
В мерзлых квадратах рам —
Их мало, мерцающих до зари
И гаснущих по утрам.
Так и сидел бы вот не у дел,
Не подымая век.
Ночь бы сидел. Год бы сидел.
А может, сидел бы век.
Так и молчал бы вот, сжав виски,
Не чуя ни ног, ни рук.
Во всю бы длину ледяной тоски
Кровь завершила круг.
Где она, милость? В какой венец
Укрыт справедливый лоб?
Кто я? Ваятель людских сердец?
Или давно холоп?
Или в тоскливой моей ночи
Дьявол чинит разбой?
Если о правде поешь — молчи!
Если о кривде — пой!
Чорт догадался с талантом моим,
С южной душой моей
Притти на землю суровых зим
И самых тупых царей.

Да разве за тем соловей летел?
Цепи взамен ветвей?
Да где это слыхано, чтобы джа
Обманутый соловей?!
Он глажуа бы в сторону ближних ив,
Головушкой покачав,
И, серые крылышки опустив,
Соловушка бы зачах.
Вот так и клонится день ко дню...
Но нет, соловей — бунтарь!
Я вам такое еще сочиню,
Милостивый государь!
А впрочем, флейта — не друг трубе.
Куда мне такое зло?..
А ты, Наталья? Неужто тебе
Сердце мое мало?
Опять в течение круглого дня
Я лица твоего не видал.
Опять ввечеру в расписных санях
Умчали тебя на бал.
Сейчас ты, наверно, уже налегке,
И, всех удивив, без карт
Читает судьбу по твоей руке
Бойкий кавалергард.
А может, идешь ты, снегов белей,
Гостиною голубой,
И бравая стая лихих /кобелей
Смыкается за тобой.
Согласен на все. Но люби, люби.
Верность не оброни.
Согласен на все. Но не погуби —
Гордость оборони.
Пока смирюсь: поезжай к царю,
Но этот бал не по мне...

Я что-то не в духе, я весь горю,
Мне лучше наедине...
Ужель ты хочешь, чтоб лишний раз
Я с блюда царя лакал?!..

Зеленое пламя встает у глаз —
В брызги разбит бокал!

Так и шагать бы, шагать, шагать
По шкуре медвежьей вдоль.
Так и страдать бы, страдать, страдать,
Пока не иссякнет боль.
Конечно, работа, всегда... всегда...
Но, совесть моя, не лги —
Тебе не распутать их никогда,
Чортовы эти долги!
Как солоно-море стоит слеза,
Горестный меркнет свет.
Черные мухи летят в глаза —
Ужели спасенья нет?!..

Но тише, Пушкин. Взгляни вперед.
Слезу, Александр, утри.
На слабое пламя, на сизый свод,
Сергеевич, посмотри.
Там в светлом камине полно чудес,
И цвет у чудес богат:
Там темные угли похожи на лес,
А красные — на закат.

И зыбкий дымок от углей идет,
И хочет дымок истлеть,
Как легкое облако в глубь высот,
Торопится улететь.

А ну-ка дунь на него, сколь есть
Слаушки у тебя!
А ну-ка попробуй к огню присесть,
Кудри не теребя.
Вот видишь, не надо грустить наперед,
Он близок уже, покой.
Спасенье приходит. И чуткой рукой
Руку твою берет:
«Последняя туча рассеянной бури!
Одна ты несешься по ясной лазури...»
(Ах, кто это там простонал в тиши?)
Да полно томиться, тиши, тиши.
То дети вдыхают ночные сны.
То бьют над тобой часы,
И медленно-медленно со стены
Падают их басы.
Вот кто-то подъехал к окну твоему,
В передней зажгли огни...

— Наташа! Давай я тебя обниму,
Ступай, золотая, усни...
Мне очень некогда, милый друг... —

Вся в гранях, в шитье, в резьбе,
Зажатая в кольца тугих подпруг,
Наталья идет к себе.
И словно в сказке метет следы
Жаркий ее наряд.
И, словно две молодые звезды
Очи ее горят...

И снова он будто живет впервой,
И ветер свистит над ним,
И это не кудри уже, а дым
Над ясной его головой!

Ближе, ближе держись к столу.
Струя уже понесла —
Витая струя по крутому руслу
Могучего ремесла.
Все ниже парус кренит к залам,
А был он совсем прямой.
Гляди, переломится пополам —
Останешься за кормой.
Любые пороги — гребец готов!
Хватило б ему чернил.
Из дюжины взятых с собой листов
Полдюжины исчернил.
Гребец испытан, он все горазд
В бурю перенести!..

А все-таки трудно на этот раз,
Тяжко уже грести.
Ветер запутывает слова,
Ладью понесло на мол...

Затекшие руки упали на стол.
Откинута голова.
Рано. Попробуй, глаза отвори
И тихо взгляни в окно.
Во всем Петербурге давным-давно
Погашены все фонари.

Мих. Матусовский

ТВОРЧЕСТВО

Темнело. Как метель бродила!
Как были улицы глухи!

Сегодня все не выходило —
Знакомства, шутки и стихи.

Не скажешь вслух, не ступишь шагу,
Не зачеркнешь конца строки.
Марать чернилами бумагу,
Терзать всю ночь черновики.

И, находя размер широкий,
Перо истертое кусать.
И отставать, и путать строки,
И лучше плакать, чем писать,
И голос пробовать несмело,
И первых строк не узнавать,
И все, что за ночь нажило,
К утру без боли разорвать.

Друзья! Но где слова такие,
Что в мертвый холод рудников
Дойдут сквозь долгий сон России,
Сквозь цепи егерских штыков,

Сквозь головы тупых ракалий,
Сквозь полицейские посты.

Так вдохновенны, так просты,
Что их на камне высекали.

Лев Ошанин

КАМЕР-ЮНКЕР

Даже звонкая мечтается мне доля
Давно, усталый раб, замыслил
В обитель дальнюю трудов и чистых нег
А. С. Пушкин

I

Не понята и не согрета,
Так вдруг прискачет жизнь к концу.

Копыта колют лед. Карета
Летит к Аничкову дворцу.
В ней наглухо закрыты шторы.
Досужий глаз не подглядит,
Чем занят барин, тот, который,
Закнув голову, сидит.

Но кони бьют напропалую.
А барин, непривычно вял,
Припоминает жизнь былую
И скачет на придворный бал.
Пора оставить дух бунтарский,
Сзывать друзей на скорбный пир.
Как тяжки знаки дружбы царской
И камер-юнкерский мундир.
И рядом на подушках новых,
Мечтательный потупя взгляд,
Атласный подобрав наряд,
Сидит Наталья Гончарова.
Копыта забирают круче.
Аничков мост.

Из темноты

Летят тяжелые хвосты
Ковей, поднявших морды к тучам
И так застывших на мосту.
Но вот дворец, огни.

И кучер

С вожжами замер на лету.
Не изменяясь, не старея,
Их ждут султаны и ливреи.
И свет, навойливый, как совесть,
И дверь, уставшая встречать.

И Пушкин входит в дверь, готовясь
Женой гордиться — и скучать,
И вдруг губу кусать от злости...
Проходит первый ряд колонн
И, оглянувшись, видит —

Он

Один в мундире. На поклон
Во фраках приглашались гости.
И сквозь колонны в ночь, назад,
Накинув шубу нараспашку.
Куда теперь?

К друзьям всегдашним?

В ночную стужу наугад?
Тут свечи, люди, шпоры, трубы.
Там дом его окован тьмой.
Он глубже залезает в шубу
И кучеру кричит:

— Домой!

Не сладко в доме, полном шумов,
 Быть одному наверняка
 И, став спиной к камину, думать
 И повторять: «Тоска... тоска...»
 И знать —

звеня-гвардейской шпорой,
 Наталью царь в кадриль ведет.
 Она идет, легка, как шорох,
 Прозрачна и тиха, как лед.
 Что ж, ей забав и ласки вовсе
 Отцовский дом принес в обрез.
 Как сладок барышне московской
 И шопот шпор и взглядов блеск.
 И все отдаст за ласку света,
 За блестящий высокий зал.

Нет, видна бог, от свадьбы этой
 Он радостей больших не ждал.

Друзья? Их много.

Хлопнуть пробкой,
 Блеснуть остротой, бросить тост,
 Послушать песен звон неробкий,
 Поплакать, если на погост
 Вести придется...

Но он страшен,
 Он с веком и судьбой в борьбе,
 Им рядом с ним не по себе,
 И все они в его судьбе —
 Приятеля по пьяным чашам.

И вот в окно гляди утрюмо, —
Как будто вправду смерть близка,
Грей у камина руки,

думай

И повторяй: «Тоска... тоска»...

Он загнан в клетку навсегда.
Быть может, в баалошный и пылкий,
Он был свободен лишь тогда —
В Михайловском, в деревне, в осылке,
Когда, не помня о часах,
Бродя в пяти верстах свободно,
Мог ненавидеть, мог писать
И думать, что ему угодно.
А может, высшая свобода,
Всю жизнь отдав земле своей, —
Бродить над морем, ждать погоды,
Маня ветрила кораблей.
Но полно, полно.

Можно храбро

Тоску зажать в кулак — молчи! —

Пока в тяжелых канделябрах

Не догорели три свечи.

Пока есть песни в голове

И жар в руках, и злоба в перьях,

И можно жженку жечь в Москве

И Петербургу хлопнуть дверью.

Пока за окнами, как встарь,

Раскинула края босые

Проклятая на всех верстах,

Но так любимая Россия!

И где-то, между буйных рек,

Под плетью, на ржаной ковриге,

Растет тот самый человек,
Которому ты пишешь книги.

И ты встаешь — итти, гореть.
И разве жадный самодержец
Твою тоску и песнь удержит
В холопах при своем дворе?
В отставку! Бросив свет, мундир, —
В отставку! Радостно и тивно
Скакать, чтоб шире слышать мир,
В псковскую темную деревню.
В отставку!

В архалажке синем,
С одними песнями в груди,
По старым ярмаркам броди,
Как прежде числясь по России.

И снова утром ждать зарю
И шум дубраз услышать снова.

Чадит свеча. Письмо готово.
Так шли скорей письмо царю!
Взгляни в окно — за каждый камень,
Как тени, прячутся враги,
Считают мысли и шаги —
От них не скроешься. Беги.
Возок и кони за дверями.
Придут друзья. Наталья. Слезы.
Упреки. Домыслы вельмож.
И может, ты назад возьмешь
Письмо и гнев —

и будет поздно

Бежать к дубравам, звать зарю.
Как близко дело к январю.
Кровавый снег. И свечи, свечи...
И визг саней в последний вечер...
Так шли, так шли письмо царю!

А. Коваленков

ПУТЬ НА ЧЕРНУЮ РЕЧКУ

День хорош. И горожанки
Рады свежей синеве.
Там и сям мелькают санки
На раскатанной Неве.

Саюдяных снежинок вспышки
Кучерам глаза слепят.
Позади карет мальчишки
Прицепиться шоруют.

Свист полозьев, пар дыханья,
Палантины, кивера...
Хохот, взвизги, восклицанья,
Колокольчиков игра...

Обгоняя колымаги,
Не жался лошадей,
Едет Пушкин в Коломяки
За погибелью своей.

Что он думал, одинокий,
Подставляя пуле грудь,
Отправляясь в недалекий,
Но уже последний путь?

Что несказанным осталось,
На губах застывших,
В час, когда впервой усталость
Победила жаркий гнев?

Навсегда погасло пламя
Ненасытно смелых глаз...
Но, взметнувшись над веками,
Эта жизнь дошла до нас.

Тот, кто, с горестями споря,
Поменял солнце детских лет,
Тот, кто видел волны моря,
Снег равнин и звездный свет.

Тот, кто жил, глаза не жмурия,
Знал врагов и знал друзей,
Тот, кто в непогодь и бурю
Шел дорогою своей,—

Тот найдёт в поэте друга
И узнает (коль не знал),
Почему в часы досуга
Ленин Пушкина читал.

Яков Кейхауз

ДУЭЛЬ

В шипеньи снега и в сияньи
По набережной от реки
Бросались им навстречу сани,
И узнавали седоки
Гвардейца, а за ним поэта,
И понимали, что примета
Такая нынче не к добру:
Уж будет новость ввечеру.
Данзас надеялся, что кто-то
Им помешает как-нибудь.
У встречных не было охоты
Загородить врагам их путь.
Гулики с шумом пролетали,
Дымилась кони второпях,
И близорукая Наталья
Вдруг мимо пронеслась в санях.
Но Пушкин тоже не приметил.
Она пропала в синеве.
Проехал Борх с женой в карете
По плоской ледяной Неве.
— Ты что, Данзас! Не хмурься лучше.
Вон две семьи. Не видишь? Вот.—
— Откуда ж две? —
— С графиней — кучер,

А граф с форейтором живет.—
Друзья, смеясь неутомимо,
Друг с друга не сводили глаз.
— Куда везешь меня, Данзас?
Не в крепость ли? —
— Нет, Пушкин, мимо.
До Черной речки напрямик
Отсюда ближняя дорога.—
— Скорей бы. Я озлб немного.—
И Пушкин поднял воротник.

Однако, в Третье отделение
Дошел о поединке слух.
Жандармы, чуя преступленье,
Верхом пустились во весь дух,
И выезд был у них удачен:
Они под поканье подков
Заместо Командантской дачи
Скакали в Екатеринбург.

От ветра сосны зазвенели,
И секунданты впопыхах
Отметили, постлав шинели,
Барьеры в десяти шагах.
Разгоряченный, щски тронув,
Он с пистолетом Бушера
К шинели разом подбежал,
Но на гашетку не нажал.
На шаг не подойдя к барьеру,
Противник выстрелил. Не впрок
Свой выстрел Пушкин приберет.
Угрюмо перед офицером,
Как в униженьи, на снегу
Сгибался он. Опомнясь быстро,

Он закричал:

— Постойте! Выстрел

За мной, и я стрелять могу.—

Он может пулей бить по свечке

Иль в сердце красного туза.

Еще точнее на Черной речке

Его рука, его глаза.

Зачем он здесь?.. Вон стая галок;

Их выстрелом перепугало;

Они, как черные кресты,

Летают по небу погостом.

Темно в глазах от черноты.

Наверно, Пушкин болен просто...

И впрямь он путник, он в пути...

Но полно, он не в забвении.

Сейчас мерзавец канет в Лету!

Зернистый снег набился в ствол,

И, полумежа, Пушкин ввел

Курок второго пистолета.

Как трудно целиться в ответ,

Чтоб кончить выстрелом расправу!

Поручик рухнул. Вокрикнув:

— Bravo!—

Подбросил Пушкин пистолет.

— Его убил я? —

— Нет, он ранен.—

— Как странно: думал я заране,

Что с удовольствием убью,

Но вижу — нет... Поправясь, впрочем,

Мы вновь начнем.—

! Он покороче

Хотел бы сделать месть свою.

Карета обгоняла сани,

И крепко каждую версту,
Еще не потеряв сознания,
Запомнил Пушкин. Тошноту
Лишь обмороки прерывали,
И лошади тогда вставали.
Очнувшись, глядя в темноту,
Он все твердил:

— Скорей бы! — Снова

Он вспоминал, что Щербачева
Когда-то Дорохов в живот
Смертельно ранил.

— Только вот

О чем прошу тебя: Наталья
Не говорить, как ранен я.—

Тут кучер придержал коня,

И тотчас кони скучно стали
У двери, морды наклона.

От грустной суеты шалея,
Уныло хлопотал лакей.

— Подай тот ящик. Поживее!

Да уходи... Скорей, скорей! —

Открыв шкатулку, Пушкин вынул

Оттуда длинный пистолет

И шомпол вбил, наполовину

Воткнул его за пулей вслед.

Он взял зубами восьмигранный

Холодный ствол, томясь от раны.

Данзас ворвался в кабинет

И нежно отнял пистолет.

— Ты струсил, Пушкин! —

— Боль такая,

Что нету сил... И стыдно мне.

— Но ты не говори жене.—

Ни в чем себе не потакавая,
Притиснув губы кулаком,
Он закричал, — так было плохо
Ему... в пылу переполоха
На крик его бежал весь дом,
И стало страшно тихо. Где-то
Бледнели окна, и треща,
По синним сумеркам рассвета,
Как лодка, уплыла свеча.
Он умирал, и шли прощаться
Товарищи и домочадцы.
И становилось все светлей.
Он путанно крестил детей,
Они сначала улыбались.
Но дочка всхлипнула навзрыд,
А сын, обсасывая палец,
Дивился, что отец лежит.

Толпа топталась возле Мойки.

Гусар, чиновники, купцы,
Мастеровые, кучер бойкий,
Неведомые молодцы,
Подростки, женщины, шпионы
Входили в двери потупленно.
Входила, насупясь, новый врач.
Фельдъегерь выбегал под плач.

...Плохая станция... Смотритель

Не хочет выдать лошадей.
Навеселе от конской прыти,
К пространству становясь жадней,
Приятно мчаться вдоль обочин.
Легко, ничем не озабочен.
Куда — не важно. Не одна ль
Проезжая дорога вдаль!
Пора! Как тошно на диване!

Ну, что мешает умирать?
Пиявки? Оши? Промыванье?
Еще не полная тетрадь
Иль слава, что одно и то же?
Любимый, жуткий Петербург!
Зачем до ночи Пушкин дождал?
Зачем над ним сидит хирург?
Наталья где? Перед иконой?
Чего не подойдет Данзас?
Его повесят по закону?
Помилуют?

— Который час? —

— Двенадцать, Пушкин. —

— Долго ль так

Еще мне мучиться? Скорей,
Пожалуйста! —

До пистолета

Не дотянуться, до дверей
Дойти нельзя, до смерти б только
Перетерпеть ему бодрей.

Зачем ему лежать так долго?

— Скорей, пожалуйста, скорей! —

Сюртук не модного фасона...
Свалившаяся прядь на лбу...
Осунувшись, как будто сонный,
Лежал он в траурном гробу,
И люди все валяли в двери.
Россия, как же ты теперь!
Ужасней не было потери
Средь всех твоих былых потерь.
Друзья тащили гроб сквозь темень
По оцепленной мостовой.

Чесали часовые темя,
Сняв шапки. Важно шел конвой
Жандармов. Мрак стоял злодейский.
Плаулая в снеговой пыли,
Они взамен Адмиралтейской
В Конюшенную церковь шли.
Жандармы дрогли подле гроба
И сабли цупали, на пробу
Вытаскивая из ножен.
Покойник был оберезен.

...Во тьме раскрылись настезь тучи,
Взвилась, как молния, луна,
И бубенец звездой падучей
Катился по небу. Длинна
Была в губернию Псковскую
Дорога, и туман примерз
К ноздрям коней. Заснуть рискуя,
Дремал жандарм. Со счета верст
Он сбился между звезд и снега.
Попрежнему неслась телега,
Телега жизни. Спал седок.
Спешило время наутек.
Стучали, как часы, копыта,
И дядька седока, Никитка,
Лежал, обняв студеной гроб,
К рогоже прижимая лоб.

О чем он думал, уходя от мира?
Что вспомнил он, веселый сын земли?
Изгнания глушь? Лицей? Брега Салгира?
Сверкающие плечи Натали?

Я знал одно: сейчас у Черной речки
Мы слезем и пойдем по целине,
И пистолеты не дадут осечки,
И примиренье невозможно, нет!
И мы сошли... Мы шли в молчаньи строгом...
Звезда зажглась на страшной высоте...
Уже вдали осталась дорога...
Нас на опушке поджидали те.

Он шляпу снял...
Под нею кудри взмокли...

Чтоб тверже встать —

нащупал мерзлый грунт

И слышал я,

как он сквозь зубы проклял

Медлительность испуганных секунд...

Блеснул огонь...

Под выстрел пистолета

Я ринулся,

Чтоб засловить поэта,

И — тут проснулся...

Близился рассвет...

Анатолий Бондаревский

ПОСЛЕДНИЙ ПУТЬ

«За мятежную душу
Расплата...
Окаянный ящик оглох.
Тише, тише на перекатах,
Ящик вывалишь, не дай бог.

За хорошую душу,
Мой барин,
Разве так тебя хоронить? —
Суетятся, как на пожаре,
Лошадям не дают остыть.

Подстреляли
Несметную силу,
Совершили
Великое зло.
Провожая тебя
До могилы,
Твой холоп
Никита Козлов.

Да еще
Колокольчики сзади,
Да бубенчики
Впереди.

У жандарма блестит во взгляде
Отраженья медалей с груди.

Стынет поле
В морщинах снежных,
А погода свистит
Нараспев.
Месяц острый
Глядит мятежно,
От мороза
Побагровев.

Мне от дум затаенных
Угарно,
Только думы сгустились
Зря.
Подорожная у жандарма,
Кнут и вожжи
У почтара.

Мчатся кони,
А над тобою
Я, как свечка, в санях стою,
Причитаючи
Над судьбою,
Вспоминаючи
Песню твою:

«Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя.
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя».

Вот и я вместе с бурею
Плачу.—
Прозевал поединка гром.
Мне б засесть
В Комендантской даче¹
С пистолетом
Да с топором.

И, как начали только сходиться,
Взять на мушку француза враз
Да и выпустить
Пулю-птицу,
Чтобы клюнула в правый глаз.

И не слышал бы я
Отпеванья,
Не стоил бы Колюшенный храм²
От сердечного расставанья
И от светской молвы
По углам.

Не посмел бы
Умершего кудри
Стричь и прятать
Всякий нахал.
Жил бы барин
Веселый, мудрый —
И могучие песни слагал.
Песни те,
От которых заплачут,
Иль полюбят,

¹ Место дубки Пушкина.

² В Петербурге, где отпевали тело Пушкина.

Иль станут добрей,
Иль пойдут бунтовать наудачу,
Как Черниговский полк
В декабре.

А случись бы
Суду, пересуду
Да изгнанию,
Судьба — поводырь.
Я бы, барин, с тобой повсюду —
Хоть в Одессу,
А хоть в Сибирь,

И пешком,
И в санях,
И на дрогах,
Только б голос
Твой жаркий слышать,
Чем теперь вот
По Псковской дороге
С мертвым телом
В пургу скакать.

По приказу
Мы ночью вчерашней
Петербург покидали тайком,
А вдогонку нам
С каждой башни
Взгляд совиный
Сверкал огоньком.

Кто же встретит с почетом
И ласками?
Кто навстречу в слезах прибежит?

Родионова с мудрыми сказками
Под кладбищенским снегом лежит.

Зазвенят
Над лесными палатами
Голосистые ветерки,
Да придут
В монастырь¹ с лопатами
Из Михайловского мужики.
И под страх
Погребального пенья
Станем Пушкина засыпать.
Провожаящий барин Тургенев²
Даст на водку —
И в Питер опять.

Соберемся,
Наполним кружки
И огулом
Промолвим так:
«Ты цветы, стихотворец Пушкин,
Вечным цветом
В народных устах.

Чтобы слава пошла великаном
Через горы,
Через леса,
Чтоб в пустыне
Запели камни,

¹ Святогорский Монастырь, куда везли и где похоронили тело Пушкина.

² А. И. Тургенев, по распоряжению царя, сопровождал тело Пушкина.

Чтобы зной
Рассекла роса,

Чтоб дорогою
Столбовою
Шел народ на гробницу твою».

Мчатся кони,
А над тобою
Я, как свечка, в санях стою».

Евг. Долматовский

СОВРЕМЕННИК

Казалось, время, мрамором одето,
Светилось все. Не знало небо тьмы.
Прозрачной ночью,
Белой ночью лета
На Черной речке побывали мы.
...Его убили на опушке леса.
Аэродром раскинул крылья тут.
В молочном небе,
В тишине белесой
Торжественно спускался парашют.

Мы окружили памятник.
Невольно
Все кепки сняли.
Падала звезда.
Для нас был Пушкин вечно жив.
Легко ли
Представить, как приехал он сюда,
Как рухнул в снег, сраженный подлой пулей,
Еще привстал,
Прищурив левый глаз;
К нему деревья ветками тянулись...
Он не успел позвать на помощь нас.

Матросы из Кронштадта
Шли, как волны,
На мир, который Пушкина убил.

Прошло столетье.
Наш товарищ вольный
С тунгусами теперь заговорил,
Он растворен в сиянии белой ночи,
Мы жадно дышим воздухом морским.
Дрожит огней далеких многоточье,
Дрожат листы, пропитанные им.
И этой белой ночью,
Ночью страшной,
Никто уйти от памяти не мог.
Мы вздропнули,
Когда из рек туманных
С шоссе позвал задумчивый гудок.
И в город понеслись автомобили.
По Кировскому.

Вспомнилось тогда,
Что мы Татьяну Ларину любили,
Как девочку в недавние года;
Что нас в боях овеяло стихами,
Огнем его бессмертья.
Потому
Встал Пушкин рядом с нашими вождями
И наше счастье — родина ему.

Он долго ждал, чтоб сделаться счастливым.
Теперь,
Сосредоточенны, тихи,
Районные партийные активы
До ночи слушают его стихи.

А после — прения.

На ЦАГИ или на ГАЗе

Встает парнишка.

Слыша гуд в крови,

Он говорит о бурных днях Кавказа,

О Шиллере, о славе, о любви.

С актива он приходит в пол-второго,

Чай кипятит. И пишет о себе,

О времени.

Его простое слово

Уже готово к золотой судьбе.

Однажды утром

Он встает устало

И понимает, что к нему пришло

Все то, что в горле многих клочотало,

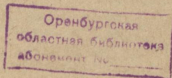
Но выбиться наружу не могло.

И я хочу, как он, своею песней

Поднять знамена дружбы и тревог,

Ведь он мой друг, соперник и ровесник,

Быть может, чем и я ему помог...

СОДЕРЖАНИЕ

Симонов — Путник	3
Коваленков — Стихи о Пушкине	5
Железнов — На юге	19
Алигер — Дорога	23
Дремов — Арина Родионовна	28
Святогорский монастырь	31
Островой — Ночи в Михайловском	33
Ошанин — Последняя встреча	38
Панченко — Пушкин и Пущин	42
Отъезд Пущина	45
Бессонница	47
Черноморцев — Псковская ярмарка	49
Кейхауз — Возвращение	51
Симонов — Три ночлега	54
Алигер — Осень в Болдино	59
Резчиков — Пушкин на Оренбургском валу	63
Старик	71
С. Васильев — Вдохновение	77
Матусовский — Творчество	82
Ошанин — Камер-юнкер	84
Коваленков — Путь на Черную речку	90
Кейхауз — Дуэль	92
Лебедев — Секундант	99
Бондаревский — Последний путь	101
Долматовский — Современник	107

Редактор П. Антокольский
Художник Н. Мухли
Технический редактор Л. Шашкова
Корректор К. Рыжова

Сдано в набор 19/III—1937 г.
Подписано в печать 25/VII—1937 г.
Уполномоч. Главлита В-25015
Индекс X-40 С23 Заглав. изд-ва 96
Тираж 5 000 экз. Учетно автор. 5,46
Автор 5^{1/2}. Формат бумаги 72×94^{1/2}₃₂
3^{1/2} п. л. Отпечатано на бумаге
Окуловской писчебумажной фабрики
1-я тип. Трансжелдориздата, Москва
В. Переславская, 46

Цена 2 р. 25 к Переплет 75 к.

О П Е Ч А Т К И

<i>Стр.</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Следует читать</i>
7	2 ст.	сурово.	сурово
11	14 ст.	затее	затее,
38	12 ст.	Встреть	Встреть.
69	15 ст.	меняет,	меняют,

3p.

56